

Екатерина Пастернак (Москва)

«Владелец лучшего из баров» или «филолог и поэт»? Жанр дружеского послания в творчестве Бориса Рыжего: традиции и новаторство

В этой статье будет рассмотрено одно стихотворное послание Б. Б. Рыжего — «Владелец лучшего из баров...». Дружеское послание — текст, представляющий собой своеобразное «письмо», в нем есть четко выраженный адресат, хорошо знакомый автору, его друг; также присутствует адресант, но совершенно необязательно назван прямо, часто он не зафиксирован в тексте. С помощью послания у читающего формируется образ адресата. Послание может предназначаться для публикации или оставаться известным в узком дружеском кругу — это два разных типа дружеских посланий. В первом больше «литературности», точности формулировок, чаще воспроизводятся клише, во втором — больше бытовых деталей, домашней семантики, шуток, в плане формы допускаются большие неточности и вольности (и лексические, и синтаксические, и версификационные). Можно вспомнить послания В. А. Жуковского друзьям, например:

Сашка, Сашка!
Вот тебе бумажка.
Ведь нынче шестое ноября,
И я, тебя бумажкою даря,
Говорю тебе здравствуй;
А ты скажи мне: благодарствуй.
И желаю тебе всякого благополучия,
Как здесь, в губернии маркиза Паулучия,
Так и во всякой другой губернии и в уезде!
Как по отъезде, так и по приезде!
И сохрани тебя Бог от Гробовского!
И почитай и люби господина Жуковского.
[Жуковский 1999: 356].

Видно, что здесь нет и намека на романтическую возвышенность, это определенно «домашний» текст. Стихотворение написано раешником. И формально, и содержательно оно значительно отличается от посланий Жуковского, предназначенных для публикации. (Во избежание чрезмерного цитирования для иллюстрирования отмеченных особенностей приводятся только единичные примеры [подробнее см.: Богданович 2011; Пастушенко 2012]).

Если говорить о силлабо-тоническом периоде в русской поэзии, то можно отметить, что первые стихотворные дружеские послания появляются уже в XVIII в. Их пишут А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, М. Н. Муравьев (этот менее известный по сравнению с другими авторами поэт считается одним из родоначальников жанра) и др. Первые сорок лет XIX в. — пик развития жанра, когда дружеские послания пишут не только «первостепенные» поэты, но и менее известные стихотворцы. Из числа посланий, написанных классиками, можно вспомнить произведения Жуковского, Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова, Е. А. Боратынского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера и др.

Помимо формы письма и наличия двух коммуницирующих сторон, с течением времени в жанре закрепляются и другие отличительные особенности. Для нашего анализа наиболее интересна одна из них — формирование у читателя (как современника поэта, так и нынешнего «потомка») образа адресата во многом благодаря текстам посланий, а не только благодаря сохранившимся биографическим сведениям. К примеру, Жуковского мы представляем меланхоличным романтиком, В. Л. Пушкина — модником, светским щеголем, ведущим жизнь, полную развлечений. Это не значит, что реальное лицо никак не соотносилось с образом адресата стихотворения, однако характер живого человека не сводился к образу, сформированному в произведении.

Можно вспомнить курьезные ситуации. Например, в одном из посланий Дельвига Пушкину есть такие строки: «Пушкин! Он и в лесах не укроется. / Лира выдаст его громким пением, / И от

смертных восхитит бессмертного / Аполлон на Олимп торжествующий <...>» [Дельвиг 1986: 65]. Современный читатель, вероятно, сочтет это стихотворение чрезмерно высокопарным, но в целом согласится с мыслью, высказанной Дельвигом. Однако адресату стихотворения 16 лет, автору — 13 или 14. Это стихотворение — «игра» в поэтов, примерка на себя образов поэтов и попытка вписать себя в историю литературы. При всем уважении к обоим авторам, определения, данные Дельвигом, имеют мало общего с юными будущими классиками; мы можем воспринимать стихотворение с долей серьезности только из современности, зная о том, как сложилась судьба тогдашних лицеистов.

Можно привести и обратный пример. Боратынский обращается в своем послании к Языкову так: «Языков, буйства молодого / Певец роскошный и лихой» [Баратынский 1936: 312] (добавим, что мотивы пиршеств и застолий традиционно появляются в дружеских посланиях). Безусловно, это соответствует Языкову-человеку, в то время учившемуся в университете (стихотворение написано в 1831 г.), страстному пьянице, за семь лет так и не закончившему свое образование. Однако реальный человек менялся, а у читателя закреплялся в сознании именно такой портрет.

Перейдем к рассматриваемому стихотворению:

К Олегу Дозмову

Владелец лучшего из баров¹,
боксер², филолог и поэт,
здоровый, как рязанский боров,
но утонченный на предмет
стиха, прими сей панегирик —
элегик, батенька, идиллик.

Когда ты бил официантов³,
я мыслил: разве можно так,
имея дюжину талантов⁴,
иметь недюжинный кулак.
Из темперамента иль сдуру
хвататься вдруг за арматуру.

Они кричали, что — не надо
Ты говорил, что — не воруй.
Как огонь, взметнувшийся из ада,
как вихрь, как ливень жесткоструй-
ный, бушевал ты, друг мой милый.
Как Л. Толстой перед могилой.

Потом ты сам налил мне пива,
орешков дал соленых мне.
Две-три строфы⁵ неторопливо
озвучил в грозной тишине.
И я сказал тебе на это:
вновь вижу бога и поэта⁶.

...Как наше слово отзовется,
дано ли нам предугадать?⁷
Но, право, весело живется.
И вот уж я иду опять
в сей бар, единственный на свете,
предаться дружеской беседе⁸.

Все примечания к этому стихотворению сделаны Б. Рыжим.

¹ О. Дозморов действительно владел пивным баром, название которого точно установить не удалось. Впрочем, правнук поэта в своем последнем интервью, данном журналу «Roems and Poets», сказал, что бар не назывался вообще или назывался «У Федора».

² О. Дозморов боксом не занимался, что можно увидеть, заглянув в «Воспоминания» поэта. «...Двадцать семь лет, треть моей жизни, прошли в борцовском зале. О, эти продолговатые штанги, круглые гантели и перекладина...». Боксом же занимался Б. Рыжий, который, по меткому замечанию современника, «так любил сей вид спорта, что любого понравившегося ему вмиг окрестит боксером, а после и сам верит в это».

³ Факт избития официантов официально не подтверждается.

⁴ О. Дозморов был замечательным музыкантом и рисовал темперой.

⁵ Какие именно строфы имеются в виду — неизвестно.

⁶ Над этим двустушием Б. Рыжий особенно тяжело и мучительно работал, имеется около двухсот вариантов. «...Боря целый месяц сочинял две особенно важные строчки, а меня с детьми на это время выгнал из дому...» — вспоминает жена Б. Рыжего.

⁷ «Как отзовется слово наше, предугадать нам не дано... А нам, друзья, не все ль равно...» Ф. И. Тютчев.

⁸ Явная поэтизация. «...В баре этого Дозморова всегда шум, гам. Девки орут, а мужики гогочут. Мат-перемат. Работают сразу два мощных магнито-

фона и все танцуют. Боже, как я люблю это злчное место, где всегда ждет меня моя...» (из дневника Б. Рыжего).

1997 год [Рыжий 2006: 74]

Вначале скажем несколько слов об авторе и персонажах стихотворения. Борис Рыжий (1974—2001) — екатеринбургский поэт, Дозморов — его лучший екатеринбургский «литературный» друг (похожие взаимоотношения — жизненные и текстуальные — были у Рыжего с его петербургским другом А. Ю. Леонтьевым). Как и Рыжий, Дозморов в это время — начинающий поэт. Важно отметить, что стихотворение написано в 1997 г., в тот период жизни Рыжего, когда он внимательно и много читал русских поэтов XVIII—XX вв. [см.: Фаликов 2015]. В это же время он начинает ездить в Санкт-Петербург, круг его литературного общения становится шире.

Рассматриваемое стихотворение, вероятно, стало известно самому Дозморову сразу после создания, однако опубликовано оно было впервые уже после смерти автора в 2004 г. в книге «Оправдание жизни» [см.: Рыжий 2004: 120], то есть стало литературным фактом через семь лет после создания. Иногда публикуют только стихотворную часть текста произведения без комментариев [ср.: Фаликов 2015: 116], однако текст, безусловно, включает комментарии как свою часть. Усеченная публикация делает произведение не только более простым, но и местами попросту непонятым, искажающим авторский замысел.

В этом стихотворении почти все неслучайно. И автор, и адресат прекрасно понимают, что здесь написано, и понимают, как именно это произведение соотносится с традициями жанра поэтических посланий, особенно первой половины XIX в. В стихотворении есть две главные темы — жизнь (что-то, что существует реально) и творчество (территория вымысла, воображения), которые переплетены с жизнью и лирического «я», и героя-адресата. «Жизнь» — это бар, крепкие ребята в нем, драки, «арматура», пиво и соленые орешки. «Творчество» — «филолог и поэт», «две-три строфы», диалог с другом-поэтом и беседы. Ин-

тересно, что «жизнь» продолжает традиционные для послания мотивы пирушек и шумных застолий, пусть и в низком стиле (смешение высокого и низкого — неизменная черта творчества Рыжего). Такая «жизнь» заставляет вспомнить тексты посланий Давыдова или Языкова с рисуемым портретом друга — brutального «еры, забияки», пьяницы и драчуна, — с включением деталей военного или студенческого быта.

Насколько же реальна жизнь, описываемая Борисом Рыжим?

Во-первых, герой стихотворения, которого зовут Олег Дозморов, — это в некотором смысле пародия на реального Дозморова. Сохранились фотографии обоих друзей тех лет. Образ мощного парня, который «бьет официантов» и «хватается вдруг за арматуру», плохо соотносится с худеньким очкариком, 23-летним молодым поэтом, аспирантом филфака УрГУ, что уже указывает на невозможность воспринимать стихотворение буквально. Это не гиперболизация качеств героя, с которой можно было столкнуться в посланиях поэтов XIX в., а, скорее, чистая фантазия.

Во-вторых, своего героя поэт наделяет некоторыми чертами, которые соответствуют скорее ему, реальному человеку Борису Рыжему. Это он занимался боксом, имел беспокойный характер, неоднократно был замечен в потасовках. Адресант же в стихотворении имеет более спокойный, рассудительный характер, он предостерегает своего друга от совершения опрометчивых действий, — это больше соответствует характеру реального Олега Дозморова. Наделение героя послания собственными чертами и даже обмен характерами — безусловное нововведение Рыжего в этом жанре. Кстати, это не единственный случай создания Рыжим подобного образа. Например, в стихотворении «Путешествие» описывается вечер в пермской квартире в компании «филологических дам», поклонниц стихотворца В. О. Кальпиди: «Читали наизусть Виталия Кальпиди. / И Дозморов Олег мне говорил: “Борис, / тут водка и икра, Кальпиди так Кальпиди. / Увы, порочный вкус. Смотри, не матерись”» [Рыжий 2006: 191]. Ситуация выглядит весьма правдоподобной, однако позже в одной

статье Дозморов замечает, что Рыжий «перевернул» ситуацию: в реальности Дозморов ушел из этой компании, а Рыжий остался, «потому что там было весело. <...> И я ему потом выговаривал» [Дозморов 2010: 57—66].

В-третьих, так как это послание поэта к поэту, автор сознательно формирует образы и себя, и своего героя/адресата как имеющих отношение к истории литературы. Они оба уже знают ее, они знают историю жанра, поэтому можно «создавать» образ адресата, сознательно олитературивая ситуацию. В самом начале стихотворения герою дается развернутое определение, адресант фамильярно обращается к нему (подчеркнутое короткое знакомство), далее появляются воспоминания о славном прошлом, а также темы пира и беседы. Это не простое соответствие ситуации или отсутствие у автора фантазии, а сознательная ориентация на прежние образцы жанра. Тексты стихотворений Рыжего и Дозморова, связанные друг с другом, часто были наполнены литературными отсылками и шутками. В посланиях они как бы смотрят в прошлое и вписывают себя в существующую литературную традицию.

Интересны три формальные особенности, связанные с тем, что это послание поэта к поэту. Во-первых, Рыжий намеренно в первой же строке вводит диссонансную рифму «ба́ров — бо́ров», — этот яркий прием малопредставим для автора начала XIX в., но, несомненно, он будет оценен поэтом конца XX в.

Во-вторых, есть анжанбеманная рифма «[не] воруй — жесткоструй-/[ный]», также не используемая поэтами начала XIX в. Она выглядит оправданной. Такая запись зримо передает движение автора, ярко описывающего действия адресата, в свою очередь также находящегося в движении, бушующего, как «Л. Толстой перед могилой». Строка с анжанбеманной рифмой находится почти ровно в середине стихотворения (до нее — 15 строк, после нее — 14). Это одновременно разбиение и слова, и строфы, и стихотворения. Интересно, что и здесь происходит смешение возвышенности и сниженности, поэтического и непоэтического. С одной стороны, слово кажется поэтизмом,

наподобие прилагательных «легкоструйный» и «тихоструйный». С другой — напоминает о техническом термине «пескоструйный» (пескоструйная очистка или обработка проводится с помощью распыления песка особым образом), который, возможно, был знаком геологу по образованию Рыжему¹.

В-третьих, Рыжий использует четырехстопный ямб — самый «классический» русский стихотворный размер, ассоциирующийся с поэзией первой половины XIX в., с романом Пушкина «Евгений Онегин». Впечатление традиционности намеренно усиливается — даже на уровне стихотворного размера².

Рассмотрим теперь автокомментарии к стихотворению. Шутливые и серьезные автокомментарии поэты используют уже в конце XVIII — начале XIX вв. Они встречаются и в посланиях. Например, в длинное послание к А. А. Плещееву Н. М. Карамзин вставляет один комментарий (стихи «О счастье слово. Удалимся / Под ветви сих зеленых ив» сопровождаются сноской «Сии стихи писаны в самом деле под тению ив» [Карамзин 1966: 140]). Стихотворение было напечатано, то есть Карамзин считал нужным не только оставить примечание для себя или сообщить об этом узкому кругу своих друзей, но и продемонстрировать его своим читателям. Рыжий хорошо знал историю русской поэзии и, вероятно, знал и об этом литературном факте.

Рыжий в автокомментариях (написанных как будто другим лицом, позднейшим комментатором) к рассматриваемому стихотворению преднамеренно стилизует разные литературные и научные тексты.

¹ В текстах других стихотворений Рыжего это слово не встречается. Мы исходим из того, что Рыжий, закончивший геологический факультет Горного института и там же аспирантуру, знал о видах обработки, т. к. они изучаются на 1—2 курсах. Добавим также, что речь идет об ассоциации, возникающей у читателя благодаря совокупности фактов, что часто нужно учитывать при анализе стихотворений, однако мы не утверждаем, что такое восприятие текста было предусмотрено поэтом.

² Мы исходим из общепринятого в стиховедении положения, согласно которому стихотворные размеры могут быть особенно характерными для того или иного периода истории поэзии [см.: Холшевников 1982, Гаспаров 2000, Илюшин 2004].

Первую сноску можно воспринимать и как копирование стиля комментариев к научным изданиям, и как пародию на тексты горе-литературоведов. В четвертом и пятом примечаниях можно увидеть уже явную пародийность, насмешку над избыточными, ничего не проясняющими комментариями в ученых изданиях.

Кроме того, в первой сноске происходит шутовское смещение времени, помещение героя в условное поэтическое пространство. Аналогичный прием используется Рыжим во втором, четвертом и восьмом комментариях. Сознательно оборвана и «цитата» в восьмом примечании, напоминающая о текстах сентименталистов и романтиков.

В комментариях Рыжего присутствует не только утрированное, подчеркнутое «творчество», но и столь же утрированная «жизнь»: третья сноска выглядит как строчка из юридического документа, что делает комментарии стилистически разнообразными, одновременно «жизнеподобными» и крайне ироничными.

Седьмое примечание содержит нарочитую отсылку к известному стихотворению Ф. И. Тютчева. Стих же «Вновь вижу бога и поэта» и шестой комментарий — это двойная шутка. Забавно просто представить поэта, столь увлеченного своим высоким занятием, чтобы выгнать родственников из квартиры ради великих строк, — получается пародия на романтический образ поэта. Однако Рыжий здесь остроумно «литературно» шутит: «в объятьях друга и поэта» уже был один герой — в дружеском послании Дельвига Боратынскому [см.: Дельвиг 1986: 155], соответственно, в этом стихе Рыжего — скрытая реминисценция.

Примечания пронизаны как иронией по отношению к адресату, так и самоиронией, однако сквозь это просвечивает и вполне серьезное желание представить себя в ряду поэтов-классиков.

Укажем на пример неправильного понимания границ литературности при интерпретации дружеского послания. Исследователь биографии Рыжего поверил в то, что все тексты, написанные поэтом от первого лица, прямо отражают события его реальной жизни, и написал статью о несоответствиях ре-

лий событиям из жизни лирического «я». В частности, послание «К Олегу Дозморову» стало поводом для такого комментария: «Вот примечание 6. <...> Б. Рыжий и И. Князева имели лишь одного ребенка — Артема, что родился 19 января 1993 года (Урал, 145)³. Следовательно? Борис мог выгнать из дому Ирину с ребенком — но не с детьми...» [Мельников 2016: 13].

Подводя итог, повторим, что Рыжий соотносит свой текст с историей жанра, а его адресата и автора — с историей литературы. Поэт выстраивает сложную систему связей с предшественниками и привносит в текст новые элементы. Важнейшей составляющей текста являются оригинальные автокомментарии. Образы, которые создаются в стихотворении, не тождественны ни настоящему Дозморову, ни настоящему Рыжему, при этом они и не являются чистым вымыслом — они создаются из разных деталей, которые автор соединяет для создания новых, особых героев. Если же ответить на вопрос, вынесенный в название статьи, ответ будет таким. «Владелец лучшего из баров» — это обозначение «жизни», реальности, «филолог и поэт» — обозначение «творчества», вымысла. В стихотворении присутствует и то, и другое, однако «жизнь» здесь придумана, а «творчество» реально, что и делает это дружеское послание новаторским.

СОКРАЩЕНИЯ

Баратынский 1936 — *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений в 2 тт. Т. 2. Л., 1936.

Богданович 2011 — *Богданович Е. В.* Стихотворное послание 1810-х — начала 1820-х гг. в контексте русской и французской поэтических традиций. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. СПб., 2011.

Гаспаров 2000 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 2000.

³ Можно предположить, что такая дотошность в вопросах, не требующих специальных доказательств, является одной из пародируемых Рыжим особенностей научного стиля.

- Дельвиг 1986 — *Дельвиг А. А.* Сочинения. Л., 1986.
- Дозморов 2010 — *Дозморов О. В.* Кытлым, Кышлым и Кытлым: история создания нескольких стихотворений Бориса Рыжего // *Russian Literature*. January 2010. Vol. 67, Issue 1. P. 57—66.
- Илюшин 2004 — *Илюшин А. А.* Русское стихосложение. М., 2004.
- Жуковский 1999 — *Жуковский В. А.* Полн. собр соч. и писем: В 20 т. Т. 1. М., 1999.
- Карамзин 1966 — *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений. Л., 1966.
- Мельников 2016 — *Мельников А.* Борис Рыжий: Введение в мифологию. Уфа, 2016.
- Пастушенко 2012 — *Пастушенко Л. М.* Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) // *Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 2 (20). С. 78—86.
- Рыжий 2004 — *Рыжий Б. Б.* Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004.
- Рыжий 2006 — *Рыжий Б. Б.* Типа песня. М., 2006.
- Фаликов 2015 — *Фаликов И. З.* Борис Рыжий. Дивий Камень. М., 2015.
- Холшевников 1982 — *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения. Русское стихосложение. Л., 1982.